

Вечером, закончив купаться, Си Ань, еще с влажными волосами, поспешил к дверям Линь Цинбая.

Линь Цинбай открыл дверь. Его черные волосы рассыпались по плечам, а на лице застыло бесстрастное выражение.

— Учитель, я помылся, от меня больше не пахнет кровью, — Си Ань, прислонившись к косяку, улыбнулся.

— Мгм.

Видя, что Линь Цинбай никак не реагирует, Си Ань продолжил:

— Учитель, мой день рождения почти закончился.

Линь Цинбай снова лишь коротко промычал в ответ. Он, разумеется, прекрасно понимал, к чему клонит Си Ань: тот не забыл о подарке, который учитель обещал ему за ужином.

Нетерпеливый.

Линь Цинбай развернулся и подошел к столу. Вытащив из вазы цветок, он протянул его Си Аню со словами:

— Твой подарок.

Это была веточка сливы из храмового сада, которую слуги сорвали только в полдень. Цветы были свежими и источали тонкий аромат.

После долгого молчания Си Ань низким голосом спросил:

— Столь чудесный меч... как учителю удалось его раздобыть?

Совершенно обычный, такой можно сорвать где угодно.

Си Ань промолчал.

Линь Цинбай взглянул на сияющее лицо Си Аня и поинтересовался:

— Доволен?

Си Ань ответил не сразу, а затем, глядя на Линь Цинбая, спросил:

— Учитель, это... этот меч вы дарите мне?

Видно было, что это редкое, ценное оружие.

— С днем рождения, — Линь Цинбай провел тонкими пальцами по лезвию и тихо добавил: — Я желаю, чтобы в будущем ты достиг успехов в обучении и исполнил всё, о чем мечтаешь.

Си Ань принял подарок, но, в отличие от ситуации с цветами, сейчас он был поражен. Старинный меч, выглядевший просто, при обнажении сверкнул острием, излучая холодный блеск.

— Учитель, я... — голос Си Аня осип от волнения. Спустя мгновение он добавил вполголоса: — Спасибо, учитель.

Линь Цинбай лишь мельком взглянул на него и ничего не ответил. Он поправил край одежды, поднялся и подошел к шкафу, откуда достал этот длинный меч.

Си Ань с восхищением смотрел на клинок.

Линь Цинбай был в легком белом нижнем халате, накинув на плечи бело-зеленый плащ. Его фигура терялась в полумраке комнаты, а взгляд был невероятно нежным.

Линь Цинбай всегда был ко всему равнодушен.

Си Ань принял цветы. Он не выказал недовольства их простотой, а напротив, принялся с искренним интересом рассматривать их, улыбаясь:

— Учитель, эта веточка сливы такая красивая. Мне очень нравится. Вернусь в свою комнату и поставлю ее у изголовья, чтобы любоваться каждый день.

— В саду полно таких, это обычные цветы.

— Но раз их подарил учитель, они уже не обычные.

После завершения обряда жертвоприношения, на второй день, Линь Цинбай, как и ожидалось, простудился, постояв на холодном ветру. Вернувшись в резиденцию, он начал беспрерывно кашлять.

Лян Яочу, осматривая его, ворчала:

— В разгар зимы тащиться в храм! Красиво звучит — молитва о благополучии, а на деле — только беды на себя навлекать. Теперь вот, мало того что я должна заботиться о вашем драгоценном ване, так еще и подобранную девчонку лечить приходится.

— Лян, как мой учитель? — с тревогой спросил Си Ань.

Лян Яочу, не поднимая головы, выписывала рецепт тонкой кистью:

— Обычная простуда, ничего серьезного. Сходите за лекарствами, через неделю будет как новенький. А вы, — она повернулась к Си Аню, — не советую вам все время околачиваться здесь и прилипать к нему. Эта простуда крайне заразна. Не хватало еще, чтобы учитель выздоровел, а вы слегли. Это будет бесконечно.

Си Ань нахмурился:

— Если я не буду ухаживать, что станет с учителем?

Лян Яочу посмотрела на него, как на дурачка, и кивнула на дверь:

— А слуги для чего? В резиденции вана полно людей, которые обязаны ему прислуживать. Почему вы постоянно, как маленькая служанка, рветесь делать работу за других?

Линь Цинбай приподнял веки и холодно, безразлично взглянул на Лян Яочу.

— Здесь есть слуги, — добавила она.

Линь Цинбай не хотел продолжать этот разговор и лишь небрежно бросил:

— Нашлось — и нашлось.

Си Ань, услышав это, наконец выдохнул, но тут же Лян Яочу добавила:

— Ань-эр, в ближайшие дни тебе нужно подниматься на гору для тренировок, так что лучше не приходи сюда.

Услышав слова Лян Яочу, Си Ань нахмурился и хотел было возразить, но Линь Цинбай, положив руку на ладонь Си Аня, остановил его:

— Ань-эр, не стоит.

Линь Цинбай снова похлопал его по руке и мягким голосом добавил:

— Со мной всё в порядке, не беспокойся.

Си Ань опустил глаза и глухо ответил:

— Да, учитель.

Си Ань, как всегда, послушно исполнил приказ Линь Цинбая и больше не сделал ни шагу в его спальню.

После того как Линь Цинбай заболел, он несколько дней отдыхал в одиночестве.

Каждый раз, когда он болел, как бы тяжело ему ни было, при Си Ане он всегда говорил одно и то же: всё в порядке, ничего страшного, не беспокойся.

Линь Цинбай сидел на кровати, словно не слыша колкостей Лян Яочу.

— Мгм.

Линь Цинбай опустил взгляд на чашу с отваром, слегка подул на темно-коричневую жидкость, но ничего не сказал. Он поднес чашу к губам и выпил всё до дна.

Лекарство было горьким, Линь Цинбай невольно нахмурился.

Тетушка Лянь, стоявшая рядом, подошла и поставила на столик поднос с лекарствами, улыбаясь:

— Ванъе, я прожила долгую жизнь и видела немало людей, но еще ни разу не встречала того, кто был бы так заботлив по отношению к своему учителю. Ванъе, вам не нужно больше дуть, температура отвара наверняка как раз подходящая. Молодой господин Си Ань с самого рассвета варил его для вас, караулил, пока он не остынет до нужной температуры, и только потом велел мне принести.

Линь Цинбай поднял глаза на тетушку Лянь.

— Ванъе, вы так решительно выпили лекарство, не хотите закусить сушеными ягодами горной малины?

Линь Цинбай взглянул на нее холодно и отстраненно:

— К чему это пробовать?

Тетушка Лянь улыбнулась еще шире и, поклонившись, вышла.

Когда в покоях он остался один, Линь Цинбай опустил ресницы и взял кусочек засахаренной малины. Ярко-красные ягоды контрастировали с его бледными пальцами.

Словно капли крови на снегу, словно нежные чары.

Он положил лакомство в рот и через мгновение слегка прищурился.

Слишком кисло.

Через несколько дней, когда пришло время Си Аню отправляться на гору для занятий боевыми искусствами, лекарства для Линь Цинбая снова стала готовить Лян Яочу. Теперь Линь Цинбаю было достаточно одного взгляда на отвар, чтобы понять, кто именно его приготовил.

Если принесенная чаша обжигала губы — значит, это дело рук Лян Яочу.

Если же температура отвара оказывалась идеальной и его можно было пить сразу, не дожидаясь, пока он остынет, — это, несомненно, был труд Си Аня.

Три дня подряд отвар был обжигающе горячим.

На четвертый день — снова обжигающе горячим.

Линь Цинбай почувствовал неладное. В течение этой недели у Си Аня было всего три дня занятий боевыми искусствами.

Держа в руках слегка обжигающую чашу, Линь Цинбай внешне не подал виду, но ближе к полудню все же вышел из покоев, намереваясь заглянуть в жилище Си Аня.

Приблизившись к его двору, Линь Цинбай издали заметил фигуру, вошедшую в дом юноши.

Лицо Линь Цинбая похолодело, он резко остановился и спросил Хун Юэ:

— Разве Инь Лю теперь прислуживает в покоях Си Аня?

Хун Юэ была еще мала и при Линь Цинбае не научилась следить за языком.

Вспомнив о поведении Инь Лю, она поморщилась и с пренебрежением произнесла:

— Отвечаю Ванье: никто не назначал Инь Лю прислуживать господину Си Аню. Это служанка, которая обычно присматривала за ним, заболела, и Инь Лю вызвалась добровольно. К тому же каждый раз она наряжается особенно старательно.

В последнее время служанки в Резиденции вана только и делали, что выражали недовольство по поводу Инь Лю.

В конце концов, кто не знал, что господин Си Ань красив, статен, обладает талантами как в литературе, так и в боевых искусствах, и уже в свои четырнадцать лет пользуется немалым авторитетом в Столице?

Тот, кто смог бы завоевать расположение господина Си Аня, подобен дикой курице, взлетевшей в небеса и в одночасье превратившейся в феникса.

Логика понятна, но сам господин Си Ань был человеком со сложным характером.

Он действовал решительно, настроение его было непредсказуемо, а в некоторых вопросах его методы можно было назвать даже жестокими.

С годами Си Ань становился лишь суровее.

Например, недавно одна из служанок, много лет прислуживавшая Си Аню, случайно разбила стеклянную чашку для чая, подаренную ему Ванье.

В Резиденции таких чашек было в избытке, ценными их не назовешь, да и Си Ань редко пил чай — чашка просто пылилась на столе и почти не использовалась.

Все полагали, что Си Ань, как и раньше, посмеется над такой мелочью и забудет о ней.

Но в тот день Си Ань помрачнел, и как бы служанка ни умоляла о пощаде, он запер ее в подвале на целых три дня.

Что было дальше, никто не знал.

Ходили слухи, что на третий день господин выпустил ее, и кто-то видел, как та служанка, изможденная, в испачканной нечистотами одежде, вышла оттуда, совершенно потеряв рассудок.

Другие же шептались, что на самом деле она так и не покинула подвал живой.

В Резиденции вана эти слухи распространялись со скоростью ветра, но никто не решался донести их до ушей Ванье.

Всем было известно: господин Си Ань послушен и кроток только на глазах у Ванье. Если бы тот узнал о случившемся, это задело бы обратную чешую дракона — личную тайну и слабость юноши, и тогда ему, боявшемуся гнева своего учителя, пришлось бы несладко.

С тех пор мало кто из служанок хотел идти прислуживать в покои Си Аня, а те, кто все же решался, вели себя крайне осторожно, боясь, что любой неверный шаг вызовет у Си Аня приступ жестокости. Инь Лю была новичком, поэтому многого не знала и каждый день, разодевшись в пух и прах, пыталась пробраться в покои Си Аня.

Якобы она хотела отблагодарить спасителя, но на деле преследовала лишь свои грязные цели.

Однако, как ни странно, Си Ань относился к Инь Лю довольно благосклонно.

Каждый день Инь Лю выходила из его комнаты сияющей от счастья, а несколько раз Си Ань даже оставлял её у себя на ужин.

После такого Инь Лю совсем задрала нос, а остальные служанки чуть зубы не стерли от зависти.

Вспоминая об этом, Хун Юэ почувствовала досаду.

Она продолжила:

— Молодой господин Си Ань уже не раз оставлял Инь Лю ужинать в своих покоях, а сегодня утром она даже завтракала вместе с ним.

Услышав это, Линь Цинбай обернулся, и его взгляд, устремленный на служанку, стал ледяным.

Встретившись с этим холодным, как зимний мороз, взором, Хун Юэ вздрогнула и тут же поняла, что сболтнула лишнее:

— Простите, Ванье, я виновата.

Линь Цинбай сжал в кулаке край широкого рукава и спросил:

— Так Ань-эр вернулся в Резиденцию вана уже сегодня утром?

— Отвечаю Ванье, он вернулся еще вчера ночью.

Линь Цинбай всё понял.

Если Инь Лю завтракала вместе с Си Анем, то становится ясно, почему тот не стал готовить отвар этим утром.

Впрочем, это пустяки.

В конце концов, такие мелочи, как приготовление лекарств, и должны ложиться на плечи слуг. Дело Си Аня — государственные дела при дворе, а не возня с аптекарской печью.

Си Ань уже повзрослел, и влечение к женщинам — это совершенно естественно.

Совершенно естественно.

Думая об этом, Линь Цинбай почувствовал, как сердце сдавила острая, невыносимая боль. Он ничего не ответил и, развернувшись, зашагал обратно.

— Ванье!

Хун Юэ, не понимая, что происходит, поспешила следом за ним:

— Ванье, мы уже уходим? Вы ведь еще не передали молодому господину приготовленные для него сладости...

Линь Цинбай не ответил, лишь ускорил шаг.

Хун Юэ, запыхавшись, едва поспевала за ним. Они уже почти вышли из внутреннего двора, как вдруг Линь Цинбай резко остановился.

Он стоял неподвижно, облаченный в белоснежные одежды. Солнечный свет падал на его прямой нос, делая кожу почти прозрачной, невероятно прекрасной, но брови его были нахмурены, а в глазах застыла тяжелая задумчивость.

Хун Юэ, приподняв деревянный лакированный ланч-бокс, поколебалась, собираясь что-то

сказать, но Линь Цинбай внезапно обернулся и отрезал:

— Дай мне.

— А?

— Отдай мне ланч-бокс.

Хун Юэ опешила, но поспешно вложила коробку ему в руки.

Забрав ланч-бокс, Линь Цинбай взмахнул рукавом и, развернувшись, быстрыми шагами направился обратно к жилым покоям Си Аня.

Хун Юэ застыла, глядя ему вслед. Она совершенно не понимала, что творится, и попыталась догнать его:

— Ванъе!

— Не ходи за мной.

Хун Юэ так и замерла на месте, глядя, как Линь Цинбай стремительно приближается к спальне Си Аня.

Спустя долгое время она опустила взгляд на свои пустые руки и пробормотала себе под нос:

— Что же такое с Ванъе?

<http://bllate.org/book/22078/2295875>